

Эмилия Кузнецова
«Мое военное детство»

Маты

1944 год, Советская Армия победно продвигалась на запад, гнала фашистов в их германское логово, чтобы навсегда уничтожить фашистскую нечисть.

Папа на фронте, мама была военнообязанная, ходила в военной форме, работала на элеваторе.

Меня водили в круглосуточный детский сад, домой забирали только на воскресенье, помыть, поменять одежду на неделю.

Играли мы на детской площадке во дворе детского сада, где из развлечений был только речной песок, немного деревянных старых игрушек и несколько скамеечек для отдыха. А иногда нас выводили на прогулку за ограду. Через квартал от садика была пустошь – большая цветущая поляна. Здесь проходила железная дорога – однопутка. Поезда по ней проезжали строго через определенный интервал времени. Иногда мы их видели.

Вот это место и проезжающие поезда были для нас самым интересным развлечением. Однажды нас построили парами и повели всех на эту поляну. Мы с Алей Завьяловой, которая тоже жила в садике круглосуточно, были дружны и шли всегда в паре на прогулки. В детском саду с нами только воспитатели и нянечки, а нас малышкой редко водили за ворота на улицу.

Идем парами, выстроились в ряд, заняли пол улицы и болтаем, как все дети громко, да еще и радостно, идем на поляну, увидим поезда. Поэтому вертели головой во все стороны и слушали, о чем говорят проходящие люди. А они говорили иногда не очень красивые слова. Аля сказала, что это они матерятся, эти слова – маты. Вот мы, наконец – то, на поляне, где много цветов, разнотравье, запах чудесный от них. Дети разбежались и играли в свои игры. Воспитатели дали волю, чтобы побегали и смотрели, как бы на линию ж/д не ушли. Вдруг Аля говорит мне: «Пойдем материться!» Я отвечаю, что не умею и не знаю, как. Аля говорит: «Помнишь, когда шли сюда, два дядьки шли почти рядом и матерились.» Я сказала, что не помню, о чем они говорили и ничего не понимала. На что Аля сказала: «Я помню, они шли почти около меня. Пойдем в травку заляжем и нас никто не увидит и не услышит.» Сказано, сделано. Лежим в траве и учимся материться. Вдруг подходит воспитательница Елена Сергеевна: «Вы что здесь залегли, спрятались и о чем так громко разговариваете?» Она, наверное, слышала, о чем мы с Алькой орали и смеялись. Мы честно признались, что учимся материться. Елена Сергеевна нахмурилась: «Скоро война окончится. Вместо того, чтобы мечтать, как своих отцов встретить, о чем с ними говорить, вы учитесь материться» В это время я увидела, что на мне ползет большой зеленый жук. Это был лесной клоп, а дети его называли вонючкой. И по Альке тоже ползет клоп, ведь мы же в траве. Я взяла клопа в руку и хотела его отбросить. Елена Сергеевна продолжает: Ну и как, научились материться, вам понравились маты?» Я со страху клопа раздавила, боже, как он вонял. Говорю: «Нет, потому что они сильно вонючие и противные.» Аля

добавила: «скользкие, как сопля.» Она тоже раздавила клопа. Конечно мы говорили про клопов, а получилось, что говорили о матах. Елена Сергеевна рассмеялась и говорит: «Вот запомните какие они, эти маты, и никогда так не ругайтесь, а то будете такие же вонючие и противные, скользкие. Вставайте, пойдем в сад, пора обедать.»

Через несколько дней, после той прогулки, нас подзывает к себе Елена Сергеевна и спрашивает, почему мы обижаем Машу. У этой Маши были родители дома, дедушка, бабушка. Она одета лучше всех, ночевала всегда дома, была старше нас на целых полгода, она сама нас всех обижала.

Аля сказала, что Маша обозвала ее нищей и обматерила. Аля ей в ответ: «отойди от меня, ты вонючка, противная и скользкая как...» - она не договорила, слезы полились по щекам, сказала, что это Маша ее обижала и толкала. Елена Сергеевна обещала поговорить с Машей. И я поняла, что от матов можно вот так защититься. Мы с Алей, запомнили все это на всю жизнь и никогда не говорили эти бранные слова. Я до сих пор помню, и вонючие слова не употребляю в своей речи. Война с немцами окончилась, но наши отцы не вернулись, погибли. Мы с Алей часто сидели вдвоем, плакали и говорили, что может это мы виноваты в том, что учились материться, поэтому наши отцы погибли?!!...

«Пук, пук»

Шел 1947 год, май месяц. На улице тепло, солнце светит. Заканчивается учебный год. Я учусь во 2-м классе. Живу уже второй год в детском доме города Кунгур. Уже привыкла к распорядку, дисциплине, к детям, особенно к девочкам. С мальчиками дружбу не водили. А всю войну я ходила в круглосуточный детский сад, и все дети тогда были дружны.

Идем из школы и мечтаем, как будет хорошо в летние каникулы, не нужно по утрам рано вставать. А ходили детдомовцы всегда стайкой, - вместе. Доходили до моста через реку Сылва, а от него, если свернуть налево, то дорога тянется по улице Крестьянской и соединяется потом с улицей Ленина, главной в городе. На перекрестке этих дорог стоит наш детский дом.

И вот эта дорога от моста так была разбита, кругом ямы, машины от моста стали по тротуару даже ездить.

Городские власти обязаны были отремонтировать этот кусок дороги до центральной улицы. А кто будет ремонтом заниматься? Война закончилась, шел второй послевоенный год. Людей не хватало, хлеба не хватало, было очень трудно жить. Пленных немцев начали возвращать в Германию. У нас в Кунгуре они работали на таких вот работах, восстанавливали дороги и т.д. Вот этот кусочек дороги, по которой мы ходили, немцы и ремонтировали. Засыпали камнем, щебнем, песком, подняли ее выше от тротуара. Осталось пройтись тяжелой техникой все это придавить и асфальт положить.

И вот мы идем из школы, где проходили всегда по тротуару, там немцы сидят и очищают канаву, выравнивают дорогу.

Пришлось идти по дороге, по камням. Мы, все девочки, шагаем потихоньку, так как на Первомайский праздник нам выдали новые ботиночки, которые нужно беречь.

Ребята наши постарше, уже четвероклассники, шли сзади. Охрана из советских солдат близко не подпускали к немцам, которых мы так ненавидели.

И вдруг слышим: «Эй, кляйне киндер». Смотрим в ту сторону, стоит немец рослый, рыжий в серой цвета мышей шинели. Руки сделал вроде пистолета и в нашу сторону повел слева направо, как бы расстреливает нас, и кричит: «Пук, пук!!» и в таком упоении. Что это было? Заигрывание с детьми, которые одеты во все одинаковое и шли в д/дом, о котором немцы тоже знали, так как жили напротив в п/разрушенной церкви. Реакция наших мальчишек была мгновенной. С нашей стороны в немцев полетел град камней, благо дорога была ими усыпана.

Немцы в канаву спрятались. А этой рыжей крысе кто-то из ребят так метко всадил камнем, что у него была разбита голова, лоб, все лицо стало заливаться кровью. Вот тебе и пук, пук.

А мы, девочки, стоим на дороге и никак не можем понять, что случилось за несколько минут. И вдруг Римма Тихонова говорит «ой, девочки, а почему у немца кровь льется красная, а не черная, ведь они фашисты?» Проходящая мимо нас женщина ласково посмотрела на Римму, погладила её по голове и сказала: «Эх деточки, к сожалению, это тоже люди, поэтому у них кровь, как у всех людей красная, но они фашисты, не люди. А вот вы идите скорей домой, а то охрана вас арестует.» И мы побежали, царапая ноги о дорожные камни и несмотря на это, счастливые от того, что этому рыжему гаду так здорово прилетело. Конвоиры подняли немцев и заставили их работать. Вечером к нам в дет/дом пришёл военный комендант. Был крупный разговор с директором, вызвали всех, кто тогда шёл из школы. Нет, комендант на нас не кричал, не ругался, а говорил, увещевал, что мы должны простить, ведь мы победили немцев, а это военнопленные, и их, по нашему закону, бить нельзя. Мальчишки ответили, что они к ним не прикасались. Немец сделал из своих рук пистолет, расстреливая нас и кричал: «Пук, пук!», и получил то, что получил. А за то, что у нас погибли в войну у всех родители мы сказали, что не простим.

Комендант вздохнул: «Может вы и правы» и ушел.

У меня нет ненависти к немцам, но то, что они натворили, за раненую детскую душу простить не могу. И фашистам только: «Пук, пук!»

Концерт.

«Это память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы»

Михаил Дудин.

Причуды памяти свойственны человеку, а чем он старше, тем отчетливее вспоминается ему давным – давно прошедшее. А главное, с дотошностью вспоминается и человек, и слова, и краски, и звуки, и даже запахи.

Вот и я вспоминаю послевоенные годы моего детства. У нас в детском доме была хорошо организована самодеятельность. Хор состоял из 10-15 человек. Были чтецы, талантливые девочки – акробатки, танцоры.

Народ артистами тогда не баловали, и нас с детской самодеятельностью, часто приглашали давать небольшие концерты на заводских торжественных вечерах, выступать в воинских частях, госпиталях.

Однажды нам поступило приглашение выступить с концертом в госпитале для инвалидов Отечественной войны.

Пока мы готовились за занавесом, в зале слышались стуки, скрипы, шарканье ног. Заглянула к нам медсестра и сказала, что зрители готовы слушать нас. Когда открылся занавес, баянистка сразу заиграла вступление к песне «Вставай страна огромная!». Мы пели с большим чувством, понимая всю ответственность. Очень хотелось, чтобы концерт понравился.

Песня закончилась, но нам никто не аплодировал, только несколько медработников в белых халатах хлопали в ладоши, а потом через несколько секунд послышался стук костылей и удары ладошек о спинки стульев. Ведь наши зрители были инвалиды войны.

И вдруг послышался какой – то звон. В первых рядах сидели в креслах – колясках люди без руки и без ног. На гимнастерках у них на груди были прикреплены ордена и медали. Я рассмотрела одну женщину. Она была красивая, полноватая от неподвижности, с короткой стрижкой, в гимнастерке, без рук и без ног. Ее грудь была увешана орденами и медалями. Это она трясла в благодарность нам плечами, и ордена звенели.

Мы пели военные песни: «Вот солдаты идут», «Под звездами Балканскими», «Ехал я из Берлина». Слезы катились по щекам наших слушателей. А когда заканчивалась очередная песня, мы слышали звон орденов.

Слезы текли и по нашим щекам, их никто не вытирал. Баянистка, всхлипывая, беспрерывно играла песню за песней. Как мы пели!!! Никогда не забуду этого выступления!

Потом были стихи, танцы. Хору нужно было выйти в зал, чтобы освободить больше места на сцене, но мы не могли. Жалость и волнение сковали нас.

Концерт окончился. Нас строем повели к выходу. Защитники Родины сидели на своих местах, кричали, звенели, стучали в знак благодарности.

А мы опустив глаза, словно виноватые за то, что сделала с ними война, быстро – быстро шли к выходу.

По договоренности с администрацией госпиталя нас ждало угощение – компот с печеньем. Но мы, маленькие артисты, отказались от этого лакомства и поспешно вышли из здания. На улице мы долго рыдали и никак не могли успокоиться. Больше нас туда с концертом не посылали...

И чем дальше уходят те годы, тем ярче и сильнее мои воспоминания. В них я всегда возвращаюсь к моему прошлому:

*Как вспомню, и все растревожит мне душу,
Боль черная сердце в груди раздирает.
Всех вспомню, и сердцу становится душно,
Я раненым детством войну проклиная!*

Хлеб.

«Кому какой дается жребий,
Какая песня под луной,
А я взрастал на черном хлебе,
То хлеб моей земли родной.»
Николай Рыленков

Шел третий послевоенный год. Я уже освоилась в детском доме, привыкла. Перешла в третий класс, и как все, радовалась, что не надо будет ходить в школу и делать уроки летом.

Этот день начинался как всегда: подъем, зарядка, заправка постелей и ожидание завтрака. Удивили нас воспитатели. Они пришли к нам радостно возбужденные, обнимались, плакали, поздравляли с чем – то друг друга. Мы дети, смотрели на них с недоумением. Что случилось?

Потом воспитательница завела нас в группу и торжественно объявила, что отменили карточки на хлеб, и что хлеб теперь можно покупать сколько хочешь. Значит и нам хлеб будут давать не пайку, а сколько хочешь, сколько хочешь съесть!

С нетерпением мы ждали, когда позавтракают младшие. Наконец – то и наша группа зашла в столовую. Детдомовская столовая была маленькой комнаткой с низкими потолками, с двумя узкими окнами, с обшарпанными стенами холодная. Зимой стены столовой промерзали, покрывались инеем. Днем, от теплого воздуха кухни они отогревались, и по ним стекала вода. Га ремонт денег не было, но мы привыкли и не замечали этой убогости.

Утром в окна светило яркое солнце, подыгрывая нашему настроению. На душе было ожидание праздника. Волнение воспитателей передалось и нам!

Воспитательница Лидия Ивановна торжественно ставила на середину каждого стола большую тарелку, полную нарезанного хлеба. Когда очередь дошла до нашего стола, мы заморожено смотрели на хлебное изобилие. Вдруг разом замелькали наши руки над тарелкой с хлебом, и она вмиг опустела. Но зато теперь перед каждым из нас лежала горка кусочков хлеба.

Закрывая одной рукой свое богатство, а другую руку подняв вверх, мы дружно кричали: «Хлеба!». Воспитатели только успевали нарезать и приносить тарелки с хлебом.

Завтрак окончен. Наевшись досыта, и забрав в обе руки оставшийся хлеб, я пошла к выходу. Там стояли два табурета, на них – большие столовые тазы. Две воспитательницы забирали из наших рук хлеб и складывали в таз: «Не жадничайте, в обед снова получите много хлеба», - говорили они. Никто не ругал нас. Они нас понимали.

А в группе, где мы играли, воспитательница подзывала кого – ни будь из девочек и говорила: «Сходи в магазин, купи хлеба»

В магазине свободно давали по одной буханке в руки. За хлебом люди приходили семьями, и вставали в очередь по несколько раз. Хлеб был на прилавке, а его подвозили и подвозили в магазины. В эти первые дни хлебопекарни работали двадцать четыре часа в сутки, чтобы хлеба хватило всем, чтобы люди привыкли.

Лидия Ивановна брала очередную буханку в руки, нюхала, целовала и укладывала себе в сумку, от счастья она не верила, что у нее так много хлеба и, что он весь ее. Под конец рабочего дня она вдруг проговорила: «Что же я наделала? Куда столько хлеба набрала, ведь это по карточкам -месячная норма! Ну ничего, сухарей засушу». В обед нам снова дали хлеба вволю, и мы его так же расхватали, но уже смотрели, чтобы хватило всем.

Через неделю мы привыкли и перестали набирать впрок. А потом появился белый хлеб – вкуснейший пеклеванный хлеб, который стали давать на завтрак, да еще к нему маленький кусочек маслица!

Жизнь стала налаживаться. Это был 1948 год-поворотный год в лучшую сторону нашей страны. Время шло.

Цветаевский костер

На берегу Амура
мы развели костер,
Стихи Цветаевой читали.
И доброй памятью
мы вспомнили сестер.
Вдруг ветры стихли,
ответ от них нам зашептали:
«Жалеть нас не надо,
Нам от Бога судьбою
было это дано.
Мы прошли через пекло,
дорогами ада,
И сполна заплатили
нашей жизнью за зло.
За память спасибо,
Живите счастливо.
Мы вам проложили
дорогу любви.
И как бы вам не было
в жизни тоскливо,
Вы, наши потомки,
оставайтесь Людьми.
Где вы вспомните нас
Нам большая награда.
Разведете костер и
прочтете стихи.
Там и памятник нам,
а нам больше не надо,
Потому что нас помнят
и прощают грехи.
И неслышно умчались,
нам шептавшие ветры.
Принесли в благодарность
нам новой любви.
А от нас только просят,
Эти милые предки,
Чтобы мы в земной жизни
оставались людьми.

Позвони мне сынок.

Позвони мне сынок, позвони.
Я хочу услышать твой голос.
Словно рядом сидим, обо всем говорим,
Я люблюсь тобой, и ты молод.

Напиши мне, сынок, напиши,
Я люблю читать твои строчки.
Помолюсь, изучая в тиши
Твой неровный извилистый почерк.

Приходи ко мне сын, приходи.
Я желаю обнять тебя, видеть!
А не станет меня – не грусти,
Вспоминай, чтобы мать не обидеть.

Памяти Кичайкина Н П.

На улице сентябрь
а за окном ненастье.
А нам придется надевать сегодня траурное платье.
Он был
он жил
он был товарищем и другом.
И вот сегодня мы стоим у гроба полукругом.
Стоим платочки теребя
Прощенье просим у тебя.
Прости если обидели.
А от тебя плохого мы не видели.
Душой и сердцем ты страдал за клуб литературный.
И сколько вкладывал ты сил.
Чтоб был поэт культурный.
За всех за нас ты мог держать ответ.
Так мы всегда хотели.
Ушел из жизни наш прозаик и поэт.
И мы осиротели.
Прощай Николай Петрович.
Друг наш душою ты был светел.
Мы будем помнить о тебе.
Пока живем на белом свете.

Мое детство.

Мое детство прошло в детском доме.
Все мы – дети военной поры.
Было у всех нас страшное горе-
Отцы не вернулись с войны.

Счастливого детства война унесла,
Радость ушла, когда мамы не стало.
И осталась я круглая сирота,
Вот так в детский дом попала.

Был мне родным наш детский дом,
Я воспиталась и выросла в нем.
Как братья и сестры -дети войны,
Мы все, как родные, вместе росли.

Послевоенные шли пятилетки,
Жизнь не была нам сладкой конфеткой.
В четырнадцать лет работать пошли.
Из детского дома нас выпустили.

Помню бывших детдомовцев встречу,
Собрались, кое кто был с детьми.
«День Победы» любимой был песней,
Не хотелось нам петь о любви.

Говорю я о детстве с душевной болью,
Не забыть мне родного двора.
Детский дом вспоминаю с любовью,
В нем прошла золотая пора!

Мама.

Война вошла в судьбу мою
Большою жизненною драмой,
И с детства помню я мечту свою
Кого – то называть мне мамой.
И, кажется, что все уже сбылось:
Я мамою зову свою свекровь.
Нет, я люблю ее, но все же –
Моя любимая -дороже.
Такое счастье было мне дано.
Свекровь свою любила, уважала.
И радостно писала я письмо,
Где начиналось «Здравствуй, мама!»
И вот судьба распорядилась вновь,
Всегда бывает счастья мало.
Ушла из жизни, навсегда, свекровь,
И некого назвать мне больше «мама».
А жизнь идет. Детишек дал Бог мне,
И лет уже прошло не мало.
Желаю всем, живя здесь на Земле,
Кому – то говорить святое слово «Мама».

Обелиски.

Отгремела вторая мировая война.
Сколько погибло любимых и близких.
И в память о них, на все времена
В Европе, в России стоят обелиски.

Подойди, посмотри, постой, помолчи,
Положи им цветы, поклонись низко, низко.
Мы в ответе за мир, мы в ответе за них,
Нужно мир сохранить и сберечь обелиски.

Что – бы кончились войны на белом свете,
Только свет всегда побеждает тьму.
Но мы в ответе, только мы все в ответе,
Чтоб никто не начал вновь войну!

Амурск – моя тихая пристань.

Амурск – моя тихая пристань.
Амурск – город мой навсегда.
Здесь люди душой так чисты –
Не хочешь бежать никуда.

Молодым город наш называется,
Славится гордо людьми.
Красиво Амурск наряжается
В яркие краски земли.

В ярких цветах жарким летом,
Осенью цветом желтым покрыт.
Зимою укрыт белым снегом,
Весною зеленый стоит.

Амурск вас встретит, приветит.
Во дворах на просторах уют.
И солнышко ярче здесь светит,
И птички нам звонче поют.

Амурск – красавец наш белый,
Стоит на крутом берегу.
В другие места если еду,
То гордо о нем говорю.

Амурск – моя тихая пристань.
В нем молодость ярко прошла.
Счастья от счастья не ищут.
Остаюсь я с тобой навсегда.

Вечер для двоих.

В такой холодный вечер
Давай тихонько помолчим.
Поставим для уюта свечи,
Себя друг другу посвятим.

А за окном и снег, и ветер.
Поземкой что-то понесло.
У нас с тобою чудный вечер,
И нам приятно и тепло.

В лучах тепла свечного света
Вино играет в хрустале.
Какое счастье пить за лето
В холодный вечер в феврале.

Пусть за окном рыдает вьюга,
Стучится ветер к нам в окно.
С любовью смотрим друг на друга
И пьем домашнее вино.

Женщине

Все ж какие мы разные люди,
Одинаковых нет среди нас.
В жизни нашей есть праздники, будни,
И бывает торжественный час,
Когда мы собираемся замуж,
А потом мы рожаем детей.
Не успеешь насытиться жизнью,
Как уже подошел юбилей.
Пусть живет торжество твоей жизни!
Оставайся всегда молодой,
Путеводной, талантливой, с искрой,
Грациозной порхай стрекозой!
Мы – артистки, шагаем несмело,
Сцена жизни у нас не пуста.
Оставайся на ней королевой
И играй, если надо шута!

Незабудки

Помнишь, вместе мы гуляли,
Незабудки в поле рвали.
Ты цветочек прикрепил,
«Не забуду» - говорил».
Незабудка, незабудка- голубой цветочек,
Незабудка, незабудка – тонкий стебелечек.

Ты цветочки полевые
Подносил к моим глазам,
Мои глазки голубые
Не забыть мне обещал.
Незабудка, незабудка- голубой цветочек,
Сбереги любовь мою нежный стебелечек.

Пролетели дни, денечки,
А за ними годы.
Были радости и счастье,
Были и невзгоды.
Незабудка, незабудка, голубой цветочек.
Где же молодость моя, где же мой дружок?

Незабудку вспоминаю,
Как закрою глазки.
Где же ты, любовь моя?
Нежность где и ласки?
Незабудка, незабудка, голубой цветочек.
Сердце помнит о тебе и стареть не хочет!